

Ольга Шах

ЗОЛУШКА ВНЕ ПРАВИЛ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ш31

Шах О.

Ш31 Золушка вне правил / Ольга Шах – М.: Литнет, 2025. – 382 с.

ISBN 978-5-521-93830-8

ДТП, страшный удар и, как следствие, приговор врачей - полная неподвижность. Что для меня, активной и деловой тридцати восьмилетней женщины - хуже смерти. И тогда я, атеистка, взмолилась неведомым Высшим силам - выключите мою программу. И меня услышали. Но все сделали не по правилам - отправили меня проживать жизнь тихой девочки Ленни в другой мир. И попала я в сказку про Золушку. Никогда не любила эту сказку. Но я-то не Золушка! И переделаю эту сказку по своим правилам! Даже принц будет неправильный! В общем, Золушка

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93830-8

© Литнет, 2025
© О. Шах, 2025

Глава 1

*Две женщины сидели у огня,
Одна была похожа на меня.
Другая – просто вылитая ты...
Две женщины сидели у черты
А там, за той чертой,
Любви кружился призрак золотой...*
(сл. Л. Воропаевой, муз. В. Дорохина)

Долгий четырехчасовой путь подходил к завершению. Я спешила домой, но старалась не гнать сильно, уже почти стемнело, а прошедший днём дождь только ухудшил дорожную обстановку. И ругала себя – для чего была эта бравада, ехать за четыреста километров машиной? Когда ходят скоростные поезда и летают небольшие комфортабельные самолёты? Нет, хотелось быть как всегда и во всем независимой – от расписания самолётов и поездов, от толкотни на регистрацию в аэропорту. В соседнем городе проходила презентация филиала нашей, а теперь уже и моей, фирмы. Мне необходимо было быть там.

Предлагали переночевать в приличном отеле, но я отказалась. Я уже позвонила Диме, сказала, что приеду и он ответил, что подождёт меня. Оставалось немного, около пятидесяти километров. Я перехватила руль одной рукой, быстро глотнула уже чуть теплого кофе, но хотя бы смочить горло. Уселась удобнее и теперь держала руль двумя руками. Здесь был достаточно опасный участок, единственный на весь равнинный путь между городами. Дорога поднималась в горы, и некоторое время шла, прижимаясь к отвесной скале. Ещё и поворот. Я немного сбросила скорость и начала плавно входить в поворот. Фары неожиданно вынырнувшей фуры ослепили меня, я автоматически зажмурилась, но буквально на секунду.

Когда открыла глаза, мимо меня, с ревом дизеля, протискивалась длиннющая фура. А прямо перед моим капотом стояла девчонка в нелепой одежде. Даже удивительно, как много деталей успевают выхватить глаза из общей картины. Девчонка, совсем молоденькая. Одета, как будто собралась на ретро-маскарад – на голове какой-то нелепый чепец, некогда красный, а сейчас вылинявший до бурого цвета, застиранная белая нижняя рубашка, зашнурованный плотно на тощенькой груди коричневый лиф, длинная, до середины икры, коричневая юбка, тоже выцветшая, с заплатками. Из-под юбки виднелись чулки в полоску и деревянные сабо. В общем, средневековая Гретхен, как она есть.

Но откуда она здесь? Все эти мысли успели промелькнуть в голове за те доли секунды, что я резко выкручивала руль, направляя машину в отвесную скалу. Резкий удар, сминающийся капот, боль, огненной молнией прошившая спину от затылка до поясницы, и спасительная темнота.

Очнулась я от двух совершенно неприятных вещей – у меня невыносимо чесался нос и также невыносимо раздражал комариный писк. Тупо удивилась – откуда тут комары? А потом подумалось – а тут, это где? Нос продолжал чесаться, я хотела поднять руку и самым плебейским образом почесать его. Но... ничего, ничего не получалось! Не чувствовалась рука и не поднималась! Но и боли никакой не было. Леденящий страх полз изнутри, поднимаясь снизу вверх, прямо к сердцу. Попыталась двинуться – никакого эффекта. Глаза я боялась открывать – а вдруг и это не получится? Комариный писк усилился и сквозь него пробивались приглушённые голоса. Незнакомый женский голос сказал:

– Аппаратура регистрирует усиление мозговой активности. Очевидно, Елена Константиновна приходит в сознание. Надо сказать вашему врачу.

Голос затих, но теперь я расслышала другие, уже знакомые голоса. Эти голоса принадлежали моему мужу Дмитрию и его маме, Вере Сергеевне. Свекровь обрадованным голосом сказала:

– Вот видишь, Дима, Леночка приходит в себя! Даст Бог, поправится Лена и все будет хорошо!

– Да оставь ты, мама, свои надежды! Ну, очнётся Лена и что? У нее вновь спратется спинной мозг? И она сможет хотя бы в инвалидной коляске сидеть? Врач твердо сказал – полная неподвижность, мама! Пойми, чудес не бывает! Множественные переломы позвоночника с повреждением спинного мозга в таком отделе – чудо, что она вообще жива! Да и можно ли назвать это жизнью? Так, неподвижное бревно с глазами! А если она ещё все и понимать будет?

– Димочка, ты только мне честно скажи, ты не виноват в этой катастрофе? Или эта твоя, Ниночка, кажется? Я помню, какие она скандалы закатывала, когда ты только познакомился с Леной.

– Мама, да я все эти шесть лет был верен Лене, как пёс! Думаешь, я бы задержался в ее особняке дольше, чем необходимо собрать вещи в чемодан, если бы она только заподозрила измену? Да и Нинка такое бы не смогла. Поорать, разбить окно, но испортить что-то в автомобиле? Нет, это не в ее характере. Да и полиция твердо сказала – или она уснула за рулем, или ее ослепила встречная машина. Дальнобойщик не видел ее из-за поворота, не переключил фары с дальнего на ближний свет. Увидел поздно, но он сразу остановился, вызвал скорую, полицию, облил все пеной, чтобы машина не загорелась. Ладно, мама, поехали домой, мне с утра в офис надо.

– Дима, а как же школа, твоя работа? – свекровь была явно растеряна и не понимала, что происходит. Впрочем, я тоже.

– Да я уже заявление на увольнение подал. Некогда мне теперь, у меня целая региональная фирма на руках. Забот куча! Я там порядок наведу! А то Лена там сюсюкалась со всеми, а сотрудники и рады стараться! Ах, Дмитрий Борисович, проходите, проходите, Елена Константиновна сейчас освободится и придет! – Дима явно передразнивал моего секретаря Тамару. – Улыбается, а в глазах – презрение. Мол, прихлебатель ты тут, Димочка! Сука! Первой завтра же уволю! Пусть улыбается в другом месте!

Голоса переместились к двери, а потом и вовсе стихли. Я открыла глаза. Больничная палата, освещённая только настольной лампой на тумбочке у кровати да огоньками работающих мониторов. Судя по темному окну слева – ночь на дворе. Я пыталась осознать происшедшее, мозг упорно подкидывал какие-то мелочи, отодвигая в сторону самое страшное. Помню аварию, девчонку странную на дороге, кстати, вроде не говорили, что я ее сбила? Куда она могла исчезнуть? Потом беспамятство и вот, больница.

А Дима-то, Дима, каков, оказывается! Выходит, за семь лет я его так и не узнала? Год встречались, да шесть лет, как поженились. Скромный учитель физики из рядового лицея, всегда стесняющийся выделиться чем-нибудь среди своих небогатых коллег. «Нет, нет, Леночка, не надо мне иномарку покупать! Папина девятка ещё хорошо бегают!». Ага, Вторчермет по ней плачет! С трудом уговорила его купить недорогую, но новую Тойоту среднего класса. А ремень и туфли от Гуччи, которые я привезла из Италии, куда летала на строительную выставку, так и не решился носить – слишком будет огорчать коллег. И так во всем – скромность и незаметность. Но мне все было некогда разбираться в этих психологических нюансах. Вот и дотянула. Свекровь, правда, как была, так и осталась доброй и простодушной женщиной. А вот Димочка копил злобу и мелкие обиды на всех. Не ожидала от него. Не дай Бог такому человеку власть в руки дать. Но я и не дам, зря Дима рассчитывает, зря.

Тихонько скрипнула дверь, на пол упал свет из больничного коридора, там обозначилась неясная фигура в чем-то светлом.

– Теть Лен, ты спишь? – этот громкий шепот я бы не спутала ни с чьим другим.

Фигура приблизилась и я увидела девушку в медицинской куртке и штанах, криво сидящем чепчике, и со шваброй в руках. Это большое и большеротое чудо было никем иным, как моей двадцатидвухлетней племянницей Катькой, дочерью моей умершей десять лет назад сестры Татьяны. Студентка пятого курса нашего инженер-

но-строительного института, проходящая у меня в фирме дипломную практику на должности инженера-строителя отдела контроля и качества. И моя единственная наследница, но об этом, кроме моего адвоката и нотариуса, никто не знает.

– Я тут уж третью ночь ошиваюсь, во, форму добыла и швабру! – Катька с гордостью потрясла данным уборочным инвентарем, как будто это был меч-кладенец, по меньшей мере. – Димочка твой не велел меня пускать к тебе. Гад он! – с обидой воскликнула девчонка.

Шмыгнув носом, она уже более спокойно продолжила:

– Ты, наверное, уже знаешь о своем диагнозе. Но ты раньше времени не паникуй, тетка! Врач говорит, у него друг в Бурде работает, он хочет с ним проконсультироваться и, если мы оплатим, то он сюда приедет, посмотрит, возможно, и операцию будет делать. Так что, тётъ Лен, ещё не всё потеряно! Тетя, а ты говорить-то можешь, молчишь-то чего?

А и правда, что я молчу? Попробовала сказать, но получилось больше похоже на карканье воронье – пересохшая гортань не давала нормально произносить звуки. Катька сообразила, ловко пристроила ко рту поильник с носиком. После питья дело пошло лучше с разговором.

– Катя, время сколько сейчас?

– Около девяти вечера. Осень же, темнеет рано. А что?

– Набери номер, что я скажу, и поднеси к моему уху.

Номер я помнила наизусть, так что на третьем гудке знакомый голос вальяжно произнес:

– Слушаю!

– Вот и слушай, Беловицкий! Ноги в руки, все мои документы в зубы, Васю Стратиенко прихвати по пути и ко мне в больницу! Срочно! И не рассуждай, времени у меня мало.

– Да ладно, Вася тоже здесь, у нас прием в адвокатской коллегии по поводу юбилея коллегии. Вася хоть и нотариус, но тоже из наших. Ладно, я понял. Через полчаса будем.

Ещё бы ты не понял, за что я вам такие деньги плачу. Пока ожидали приезда юристов, Катька все трещала о том, что меня обязательно вылечат. Понятно, девчонка боялась. Боялась в этот раз остаться совсем одной. Ее мать, моя сестра, была на шестнадцать лет старше меня, и мы никогда не были близки, как сестры. Она рано уехала из дома, редко появлялась. Я ее и не помнила почти в детстве. Только взрослой уже. Мама очень любила Таню, гордилась ею. Ещё бы, художница, выставляет работы даже в Москве...

Но жизнь богемы быстро захлестнула сестру, откуда-то появилась Катька, не слишком нужная матери, папа оплачивал няnek для внучки, давал денег на жизнь. В отличие от богемной мамыши, Катька крепко стояла на ногах, и профессию выбрала земную и семейную – строителя. Жаль, папа этого уже не увидел. После смерти сестры я забрала племяншку к себе и воспитывала, как могла. Но с Димой они невзлюбили друг друга с первого взгляда и Катерина сказала, что ей далеко ездить в школу из-за города, а ведь у нее выпускной класс! Поэтому она перебралась в квартиру матери. Предварительно мы с боями выселили оттуда последнего материнского сожителя и привели в состояние, пригодное для жилья, те стены, что достались Катюхе. А потом и в институт из города ближе.

Раз в неделю я затаривала ее холодильник продуктами, пробегалась по квартире с инспекцией, что где сломалось, чего не хватает, что купить. Выдавала деньги на неделю. Но Катерина у нас девица разумная, да и насмотрелась на мать, лишнего себе не позволяла.

Наконец, приехали юристы. Рассусоливать я не стала и сразу, с порога, объявила:

– Александр Николаевич, Василий Семёнович, я в твердой памяти и здравом уме, объявляю Екатерину Борисовну Демидову моей настоящей и действующей наследницей с этого момента. Хочу, чтобы вы зафиксировали это мое желание, передали все хранящиеся у вас документы и завещание Екатерине Борисовне. Вы, Александр Николаевич, согласно условиям договора, должны будете юриди-

чески сопровождать договор и представлять интересы Екатерины во всех случаях, требующих этого. Короче, мужики, не дайте облапошить девчонку. Мой супруг, как вы знаете, не может претендовать на наследство, так как все было приобретено до нашего брака, а фирма наследственная.

Вот за что я уважаю юристов – не стали разводить сантиментов, мол, ты ещё сама встанешь у руля. Беловицкий зашуршал бумагами, Стратиенко понёсся искать двоих свидетелей, подписать я не могла ничего, волю выражала на диктофон, нужны свидетели и выписка из истории болезни. Вскоре нотариус привел дежурного врача и медсестру. Те все зафиксировали и подтвердили письменно, и на диктофон. Врач же и обеспечил все медицинские документы. После ухода юристов какое-то время я лежала молча, отдыхая. Катерина сидела у кровати, пригорюнившись и обнимая все ту же украденную швабру, и тоже молчала. Я собралась с духом и начала давать племяннице наставления:

– К управлению сама пока не рвись, поставь временно директором моего зама, Колесова. Юрий Степанович не карьерист, но крепкий хозяйственник, фирме утонуть не даст. И ты будь рядом, слушай, наблюдай, и учись у него всему. Не дай уволить Тамару, у нее двое детей и муж с инсультом. Завтра на работу приходи рано, Беловицкий и Колесов тоже будут, я договорилась. Будет Диме сюрприз. Загородный дом не продавай, его ещё твой дед строил, и ты будешь жить. Ладно, иди, тебе пора, я отдохнуть хочу.

– Тетя Лена, я завтра вечером прибегу, обязательно, все расскажу.

– Ага, прибегай, – вяло согласилась я. Почему-то у меня была уверенность, что этого завтра у меня не будет...

Глава 2

Уже давно ушла Катюха, за окнами чернильная ночь была в своих правах, а я все думала, как так случилось, что моя жизнь так страшно и нелепо заканчивается? Что заканчивается – я не сомневалась, это чувствовалось очень ясно. Вот сейчас понимаю, что и счастья-то особого не было в жизни, а мне уже тридцать восемь лет. Раннего детства не помню, где-то лет с пяти уже хорошо воспринимала и запоминала себя, окружающих, события. Все, что происходило тогда в стране – проходило мимо моего сознания, у нас в семье был свой мирок.

Старшая сестра давно ушла от родителей, но мама ждала ее каждый день. И болела. Сколько я помню маму, все в доме было подчинено ее болезни и ее лечению. Нет, в самом деле, после моего рождения мама тяжело заболела, и я все детство провела с чувством вины, что это все из-за меня. Но жили мы достаточно обеспеченно, даже по советским меркам – папа руководил небольшим строуправлением в нашем городе.

А потом приватизация, ваучеризация... как-то папа так ловко провернул это все, что управление стало его личной стройфирмой, и наша жизнь ещё стала богаче – мама лечилась то в швейцарских клиниках, то в израильских, у меня появились гувернантки со знанием иностранных языков, индивидуальные репетиторы по музыке и прочая мишура ребенка из богатеньких. Правда, родителей почти не видела – мама в клиниках, папа на работе. И кончилось тоже как-то всё внезапно – наезд рэкета, а затем и дефолт, рухнувший рубль, тотальная безработица... исчезли гувернантки и горничные, не стало повара. Чтобы рассчитаться с рабочими, папа продал наш особняк, мы вернулись назад в нашу старую квартиру-трешку. Мама теперь лежала дома.

Чтобы хоть как-то порадовать маму, привлечь к себе внимание,